

АНДРЕЙ ПАНЧЕНКО

РАБОТА НАД ОШИБКАМИ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

ВЫЖИТЬ

18+

Андрей Панченко

ВЫЖИТЬ

<https://litres.ru/74021606>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он не герой и не бандит. Он просто человек, которому жизнь всё время подкидывает проблемы. Тюрьма, одиночество, враги, армия, странная служба и люди, которым нельзя до конца доверять. Он не собирался никого спасать и ничего менять. Он просто хотел спокойно жить. Но иногда, чтобы спокойно жить, приходится отстаивать это право в драке, а иногда и с оружием в руках. Книга о выживании, мужской дружбе, ошибках и о том, что жизнь редко даёт второй шанс просто так. Его приходится вырывать самому.

Содержание

Выжить	4
Глава 2	18
Глава 3	32
Глава 4	51
Глава 5	65
Конец ознакомительного фрагмента.	79

Андрей Панченко

Выжить

Выжить

Глава 1

- Ну Лёха, ну удружил. Чего ты там своей Кате наговорил, что она меня так подставила? – Я бурчал себе под нос проклятия на голову прапорщика и его подруги – Ну почему, почему это всё со мной происходит?!

Молодой лейтенант дрых без задних ног на боковом сидении под гул самолета, у его ног валялся рюкзак и опечатанный портфель, с нашими личными делами, а я сидел напротив, проклиная свою судьбу. Летёха был скорее всего с будуна, весь помятый, да и вообще, выглядел не очень-то презентабельно. Обычная полевая форма сидела на его поджаром теле как балетная пачка на корове. Полушерстяной китель был выгоревший на солнце, из-под воротничка виден когда-то белый, а теперь грязно-серый подворотничок. На воротнике – криво посаженные черные петлицы с эмблемами: скрещенный ключ и молоток на фоне шестерни. Офицерские сапоги все в пыли. За свой внешний вид он не особо

то и переживал, да и что взять со стройбатовца...

Да, никакого тебе Серега ВДВ или спецназа, как пророчил Лёха, лечу я служить в стройбат. Я, и ещё один понурый парень, которого по каким-то не понятным критерия отодрал себе лейтенант. Остальные бывшие абитуриенты, не поступившие в военное училище, отправились служить в Фергану, в десант.

Что и как происходило в военкомате, что делал Ильич и Лёха, я так толком и не понял. Меня отвели в накопитель сборного пункта, где я и провел больше суток, из которых часов двенадцать просто дрых. Кроватей естественно там ни каких не было, но я вполне удобно устроился на деревянной скамейке, которых в накопителе было полно, и вполне прилично выспался, даже не смотря на отсутствие мягкого матраца и подушки.

Бывшие абитуриенты, с вопросами ко мне не лезли, у всех шестерых настроение было похоронное. Кто-то сидел молча, чуть-ли не со слезами на глазах, другие, видимо найдя в собеседнике родственную душу, наперебой жаловались друг другу на несправедливость приемной комиссии, но самое главное, меня никто не трогал.

Никто не бухал, как это обычно показывают в кино, ни каких толп родственников у ворот не провожало пацанов в армию – на сборном пункте всё было тихо и уныло.

Отправив меня в этот рассадник тоски и печали, Ильич с Лёхой как будто попросту забыли про меня. Увидел я их

только на следующий день, когда в накопитель заявили «покупатели».

Это были два лейтенанта, но отличались они друг от друга разительно, как Феррари от Запорожца. Двухметровый амбал в чистенькой и новенькой «афганке», с выглядывавшей из-под куртки тельняшкой, был бодр и весел, ну и этот вот летёха, что сидит сейчас напротив, с мордой лица, как будто ему этот миру же давно стал понятен, и ничего хорошего он от него не ждет.

Нас по очереди дергали в маленький кабинет, расположенный прямо в накопителе, где эти двое с нами и беседовали. Первым, как ни трудно было догадаться, призывников себе отбирал офицер десанта.

Когда наступила моя очередь предстать перед первым покупателем, я зашел в кабинет, и молча уставился на здоровяка, с трудом сдержав рефлекс, назвать себя осужденным, свою фамилию, статью и срок. Я даже потерялся на мгновение, вспоминая как правильно здороваться. Впрочем, лейтенант видимо привык к тупости призывников, и на это не обиделся.

- Сергей Серёгин? Красавец! – Оглядев меня с ног до головы, хохотнул здоровяк – Не морда, а светофор. Тут красная, там жёлтая, а в общем зеленая. С кем подрался-то?

- Упал неудачно – Не стал ничего оригинального придумывать я.

- Ага, упал... мордой об асфальт, и так двенадцать раз. –

Снова рассмеялся десантник, но в его голосе явственно слышалось одобрение того, что я не стал жаловаться и оправдываться - Хреново у тебя с координацией тогда выходит боец. Хотя вот тут у тебя категория А1 стоит. Годен к строевой без ограничений. Ошиблись врачи что ли? Куда же ты годен, если ты даже от асфальта отбиться не можешь?

Я взглянул на стол, куда лейтенант тыкал пальцем, и увидел там семь тонких папок личных дел. На каждом из них стоял штамп «годен к службе в СпН/ВДВ» и категория здоровья «А1».

- Асфальт разный бывает – Пожал я плечами - Где мягкий, где твёрдый, ну или как у меня, не на дороге лежащий, а в лопате.

Лейтенант усмехнулся, откинулся на спинку стула и ещё раз внимательно на меня посмотрел. Не на морду уже, а как-то в целом. Будто не призывника перед собой видел, а вещь какую-то, которую примеряют - брать или не брать.

- Драться умеешь? – спросил он неожиданно.

- Не жаловались, – осторожно ответил я.

- Спортом занимался?

- Как все, на физкультуре в школе и в ПТУ – криво усмехнулся я.

Он вздохнул, потом полистал моё личное дело, и поднял на меня удивленный взгляд.

- В школе? На физкультуре? Ну-ну.. юморист. Понятно теперь, что у тебя с рожей. Но что не хвастаешься, молодец

конечно. Так... Судимостей нет... – пробормотал он. – Характеристика... нормальная. Учился... столяр?

- Столяр, – подтвердил я, так и не поняв, чего это он.

Он закрыл папку, постучал по ней пальцем и вдруг спросил:

- Высоты боишься?

- Нет.

- Плавать умеешь?

- Умею.

- В темноте ориентируешься?

Я пожал плечами.

- Если не в подвале без окон, то ориентируюсь.

Лейтенант хмыкнул.

- Ночью по лесу когда-нибудь ходил?

- Ходил.

Он ещё пару секунд смотрел на меня, потом вдруг махнул рукой.

- Ладно. Иди пока. Позовём.

Я вышел из кабинета и сел на лавку. Остальные смотрели на меня, как на человека, который вернулся с допроса. Я только плечами пожал. Сам не понял, что это вообще было.

Минут через двадцать меня снова вызвали. На этот раз в кабинете сидел только второй лейтенант - тот самый, помятый. Он сидел, развалившись на стуле, пил чай из гранёного стакана и выглядел так, будто ему вообще всё это до лампочки. Он даже голову не сразу поднял, когда я зашёл.

- Фамилия? – спросил он, глядя в личное дело.

Я назвал. Он пролистал бумаги, хмыкнул.

- ПТУ... столяр... Разряд есть?

- Третий.

- Работал по специальности?

- На практике. Окна, двери, мебель, опалубку делали.

Он кивнул.

- С топором и лопатой как обращаешься?

- Продвинутый пользователь. – Выдохнул я – Я столяр, с инструментами обращается умею.

- И пилу править умеешь?

- Умею.

- Если дадут инструмент и скажут за день замаскировать что-нибудь? Чтобы с воздуха не видно было? Сможешь?

Я даже не сразу понял вопрос.

- В смысле?

- Ну, допустим, есть техника. Надо сделать, чтобы её сверху не заметили. Что делать будешь?

Я почесал затылок.

- Ну... сетку натянуть, ветками закидать, землю раскидать, следы затереть... Как-то так.

Он молча кивнул. Потом снова:

- Верёвки вязать умеешь?

- Узлы разные? Умею.

- Скот резал когда ни будь? Барана, свинью, корову? Кро-
ви боишься?

- Меня в армию призывают, или на скотобойню рабочим берут? – Удивился я. - Ну допустим приходилось всякую живность под нож пускать. Крови не боюсь. Это вообще зачем вам надо?

Он впервые улыбнулся. Улыбка была короткая и какая-то злая.

- В армии, боец, всё может пригодиться. Особенно тем, кто руками работать умеет. Особенно у нас, в стройбате. И твое дело сейчас просто отвечать на вопросы, а не задавать свои. Понял? - Он закрыл папку, написал что-то на обложке и сказал - Всё. Свободен.

Я вышел из кабинета ещё более озадаченный, чем после десантника. Сажу на лавке и думаю. Один спрашивает про лес ночью, второй - про маскировку и как баранов резать. Может, у них там стройка где-нибудь в тайге, и они себе плотников-охотников набирают?

Через час объявили построение, и нас уже распределили окончательно. Меня и того второго понурого парня забрал этот самый помятый лейтенант стройбата. Большинство бывших абитуриентов, глядя на нас двоих, даже духом воспряли, на лицах появились робкие улыбки, а при взгляде на нас - жалость. Они в ВДВ попали, а не в стройбат, уже есть повод для радости, оказывается, не всё у них так плохо, как могло бы быть. Мой собрат по несчастью, парень с именем Максим, казалось сейчас зубы сотрет, от того как он сжимал челюсть. Аж скулы побледнели, но надо отдать ему

должное, никого просить и умолять о том, чтобы его перевели в другую команду, он не стал. Только всё равно видно было, что такой поворот событий для парня огромный стресс, и жуткая несправедливость.

- Ну давай Серега, пока, служи хорошо, не подведи меня. – Перед самым отъездом из сборного пункта, когда нас грузили в потрепанный УАЗик, из своей норы наконец-то выполз Ильич. – Я сделал всё что мог, дальше всё от тебя зависит.

Вид у подполковника тоже был – краше в гроб кладут. Синяки под глазами, опухший, перегар как у дракона, глаза красные. Не спал толком бедолага, отмечал, наверное, что избавился от проблемы в моем лице. Лёха, который держался за его спиной, тоже смотрелся не лучше.

- Да, повезло тебе Серёга. – Поддержал своего начальника прапорщик. – Не каждому в этой части служить выпадает, это как лотерейный билет вытащить. Тяжело тебе правда там будет, с твоим-то характером.

- Вы чего, издеваетесь? – Начал тихо звереть я. Они с чем меня поздравляют, что на два года меня на каторгу отправили? В стройбат? – Вы это везением называете?

- Ничего, ты парень крепкий, втянешься – Отмахнулся Ильич – Понятно, что будет не просто, это всё же не мотострелки какие-нибудь, это куда как серьёзнее, и я рад, что ты это осознаешь и понимаешь. Через два года другим человеком вернёшься. Настоящим мужиком.

- Да ну вас к чёрту! – С трудом сдерживаясь, чтобы не

врезать по этим пропитым рожам, выдохнул я. – Спасибо и низкий вам поклон. Помогли от всей души, век вам благодарен буду!

- Ладно, сочтемся. Не благодари. – не понял моего тона Ильич, и хлопнул меня по плечу – Беги давай. Покупатель твой тебя уже заждался.

И вот теперь я лечу в пассажирском отсеке АН-12, проклиная свою судьбу и друзей военных, которым снова доверился и которые снова меня подвели.

Самолёт гудел так, что разговаривать можно было только крича или наклонившись близко к собеседнику. Внутри пахло керосином, металлом, пылью и чем-то ещё, военным, специфическим. Мы сидели на боковых лавках, спиной к борту. Посередине - какие-то ящики, тюки, брезент, сетки. Настоящий грузовик, только с крыльями.

Лейтенант напротив спал, уронив голову на грудь. Его качало на турбулентности, но он даже не просыпался. Видно, человек умел спать где угодно.

Максим сидел рядом со мной, молчал. Он с самого сборного пункта почти не разговаривал. Только один раз спросил:

- Ты откуда?
- Из области, – ответил я.
- Понятно, – сказал он и замолчал.

И всё. Больше мы почти не говорили. Каждый переваривал своё.

Я сидел, смотрел на спящего лейтенанта и думал, что жизнь у меня какая-то странная. Куда ни поверни - всё равно куда-то не туда заносит. Хотел же просто тихо жить, работать... И вроде же всё почти сделал, чтобы прошлую жизнь не повторить, ан нет, хрен тебе Серёга. Даже в кабинете у Ильича, когда он мне про службу говорил, я думал, что армия - это может и не плохо вовсе. Ага. Не плохо... Стройбат. Даже слово само по себе звучало как приговор.

Я представлял себе какие-нибудь бесконечные стройки, грязь по колено, бетон, лопата, лом, холод, снег и дождь, дедовщина, наряды, и два года этой каторги. И всё благодаря этим двум военным благодетелям - Ильичу и Лёхе.

«Повезло тебе, Серёга... Лотерейный билет...»

Я аж зубами скрипнул. Вот бы сейчас снять с них погоны со звездами, сюда, на эту лавку, рядом со мной посадить, и спросить, повезло им или нет.

Самолёт слегка трянуло, где-то что-то лязгнуло. Лейтенант напротив открыл глаза, мутно посмотрел вокруг, достал флягу, сделал глоток, поморщился и протянул мне.

- Будешь?

Я понюхал. Вода. Тёплая, с привкусом алюминия.

- Буду.

Я сделал пару глотков и вернул флягу. Он ещё немного посидел, посмотрел на нас с Максимом, потом сказал:

- Чего с кислыми мордами сидите? В стройбат попали, не на Колыму.

Мы с Максимом переглянулись, но промолчали. Лейтенант усмехнулся.

- Думаете, копать будете с утра до вечера?

- А что, нет? – не удержался я.

Он посмотрел на меня внимательно. Не так, как раньше – лениво, а как-то очень внимательно. Потом снова стал обычным помятым летёхой и издевательски усмехнулся.

- А херли вы хотели бойцы? В хлеборезке отсидеться? Будете, и не только копать – сказал он. – У нас как в ВДВ, никто кроме нас.

И снова закрыл глаза. Засранец... ещё и злорадствует, падла! Я медленно выдохнул, сдерживаясь. Привыкай Серега, теперь тебе с такими моральными уродами два года служить... В какой-то момент я поймал себя на мысли, что злость постепенно уходит, а вместо неё приходит какая-то пустота. Вот как будто ты долго-долго ругался, злился, сопротивлялся, а потом понял – бесполезно. Всё равно будет так, как будет.

Я прислонился затылком к холодному борту самолёта, закрыл глаза и начал думать уже не про Ильича и не про стройбат. Я думал, что, может, и правда через два года вернусь другим человеком. Только вот каким...

Максим, сидевший рядом, вдруг ткнул меня в плечо, и наклонившись к самому моему уху, зашептал, почти не открывая рта, чтобы лейтенант не услышал:

- Слушай... а тебе не кажется, что это какой-то странный

стройбат?

- В смысле? – так же тихо ответил я.

- Ну не знаю... – он пожал плечами. – Меня он спрашивали не про стройку. Про мои разряды по спортивному ориентированию и стрельбе... И этот лейтенант... он на стройбатовца не похож.

Я посмотрел на спящего напротив офицера. Помятый китель. Кривые петлицы. Пыльные сапоги. Небритая морда. Спит в самолёте, как мешок с картошкой.

- Похож, – сказал я. – Очень даже похож.

Максим вздохнул.

- Я видел, как второй лейтенант, вдвшник, с ним разговаривал. Как будто они хорошие знакомые. Причем наш летёха с десантным даже как-то свысока общался, чуть ли не пренебрежительно. А должно быть наоборот. Стройбатецев ВДВ за людей не считают. Другой бы на его месте давно бы в жбан получил. Не вяжется чего-то.

А я ещё раз посмотрел на лейтенанта. Хрен его знает... Может просто храброй воды лейтенант выпил, а десантник его пожалел? Может действительно давно знакомы, и какие-то терки у них между собой? Да и не всё ли равно? Для нас с Максимом это ничего не меняет.

А может зря мы переживаем? Ну стройбат и стройбат. И там люди живут. Отслужим, вернёмся. Не война же.

Самолёт начал снижаться плавно, почти незаметно. Только по двигателям стало понятно - режим поменялся, гул стал

ниже, тяжелее. Потом выпустили шасси, самолёт слегка завибрировал, и лейтенант сразу проснулся, будто его кто-то толкнул. Он сел ровно, потёр лицо ладонями, посмотрел в иллюминатор.

- Подлетаем, – сказал он. – Сейчас Ташкент будет.

Я тоже попытался что-то разглядеть в маленький круглый иллюминатор. Внизу сначала была какая-то жёлтая равнина, потом появились зелёные полосы, дороги, дома. Всё выглядело плоским, выжженным, каким-то пыльным даже с высоты.

Самолёт зашёл на посадку, тряхнуло, колёса ударились о бетон, нас всех чуть подбросило на ремнях. АН-12 пробежал по полосе, загудел реверсом и постепенно остановился.

Когда открыли заднюю рампу, в самолёт сразу потянуло жарким воздухом. Не просто тёплым - именно жарким, сухим, с запахом пыли и дыма и солярки. После самолётного воздуха это чувствовалось сразу.

- Выгружаемся, – сказал лейтенант и первым пошёл к выходу.

Мы спустились по рампе на бетон. Солнце било сверху так, что глаза сразу заслезились. На аэродроме стояли такие же транспортники, вертолёты, рядом ездили топливозаправщики, солдаты таскали какие-то ящики.

- Тузель, – сказал лейтенант, закуривая. – Запоминайте. Вам тут ещё ни раз придётся побывать. Кидайте свои мешки на бетон и сами приземляйтесь, подождать транспорт при-

дётся.

Я ничего не ответил. Мне было не до географии. Я стоял с сумкой, смотрел по сторонам и пытался понять, куда меня вообще занесло. Жара стояла такая, что казалось, воздух можно руками трогать.

Ждали мы минут тридцать. За это время к самолету успел подъехать бортовой Урал, в который с десятков солдат начали перетаскивать груз, привезенный на самолете. В выцветших хбешках, худые и загорелые до черноты парни, ходили на рабов с кой-то бразильской плантации.

Через полчаса, когда я уже начал плавиться на солнце как пластилин, к самолету подкатил пыльный УАЗик. Лейтенант молча махнул нам рукой и сел впереди рядом с водителем, мы с Максимом устрелились сзади. Машина выехала с территории аэродрома и поехала по дороге.

Мы глядели по сторонам, будто попали в новый для себя мир. Странные, не привычные дома, беленные тополя, саманные заборы, люди в халатах, арыки, сады, поля... УАЗик уверенно двигался сначала через город, а потом свернул куда-то в сторону гор, которые с каждым пройденным километром становились всё ближе и выше. Максим всё время молчал. Я тоже. Только иногда мы переглядывались, как два человека, которых куда-то везут, а куда - толком не говорят.

Глава 2

Было уже за полдень, когда УАЗик остановился перед контрольно-пропускным пунктом какой-то воинской части. Пыль, которая тянулась за ним длинным хвостом, догнала машину, и накрыла нас облаком. Водитель притормозил метров за пять до шлагбаума, машина качнулась и встала. Двигатель он не глушил. Солнце стояло почти в зените, и казалось, что оно не просто светит, а давит сверху, как многотонный пресс. Воздух стоял неподвижный, тяжёлый, пропитанный пылью и запахом разогретого металла. Даже звук двигателя будто вяз в этом жаре.

За шлагбаумом виднелась такая же выцветшая, выжженная солнцем территория. Низкие здания, редкие деревья с пыльной листвой, белесая бетонка, по которой уже много раз прошли сапоги и прокатились колёса армейской техники. Всё вокруг будто давно перестало замечать жару и пыль, смирилось с ними и просто существовало, не пытаясь казаться лучше, чем есть.

Смуглый солдат, а побелевшей от солнца «афганке» уже стоял у дороги, чуть сбоку от проезда, чтобы видеть и машину, и будку. Автомат на ремне, ствол вниз, но держит крепко. Подошёл на пару шагов ближе, не суетясь. На его куртке проступили соляные разводы, ткань успела пропитаться

потом и высохнуть, наверное, уже не один раз. Он производил впечатление хоть и молодого, но битого жизнью солдата. Видно было - стоит он тут давно, наверное, не первый час.

- Стой. Кто едет? - С легким акцентом громко сказал боец, хотя мы и так уже остановились.

- Конь в пальто! – Хохотнул лейтенант. – Молодец Рахимов, службу знаешь. Пополнение прибыло.

Офицер открыл дверь, вылез, поправил ремень и потянулся. В руке у него был опечатанный портфель с нашими документами. Только сейчас я его разглядел как следует. Портфель выглядел так, будто его уже не первый год возят по таким же КПП - углы сбиты, кожа потёртая, ручка, к которой была прикреплена сургучная печать, уже местами потрескалась.

Солдат с автоматом на реплику лейтенанта никак не отреагировал, а с каменным лицом кивнул в сторону домика КПП:

- Старший с документами на КПП, остальные в машине.

Офицер жизнерадостно заржал, одобрительно кивнул бойцу и пошёл к одноэтажному домику, стоящему справа от ворот. Дверь открылась - внутри тень, стол, телефон. Солдат остался снаружи, рядом с машиной.

В УАЗике было душно, и я открыл дверь, чтобы хоть немного вдохнуть свежего воздуха.

- Сидеть! – Смуглый боец отреагировал мгновенно, слегка подняв автомат, и уставившись на меня злым глазами. Ствол

чуть повёлся в мою сторону, не направленно, но так, что сразу стало понятно - ещё движение, и уже не предупреждение будет.

- Дверь закрой, молодой. Никто не разрешал тебе её трогать. – Водитель подал голос впервые за всю поездку, а затем обратился к нашему сторожу – Не бзди Рахимов. Никто тут нападение на караул отрабатывать не собирается.

- Ага – Криво усмехнулся Рахимов, не опуская автомат – Звизди больше Валера, со мной этот номер не проканает. Пополнение обычно на шишигах привозят, много, а вас всего четверо, да ещё и Морозов...

- Ох и дебил же ты Нурик – Вздыхнул водитель – Морозову делать нечего, с тобой развлекаться.

- Молчать! - Солдат упрямо сжал зубы.

Водитель спорить не стал, просто махнул рукой, в воздухе повисла напряженная тишина, и стало слышно, как из открытой двери КПП доносятся голоса лейтенанта и неизвестного мне офицера.

- Кто такие?

- Двоечники. Двое всего. Давай быстрее Виталя, жрать охота.

- Щя всё будет Рома, не суетись.

Опять тихо, а потом раздался звук, который человек выросший в Советском Союзе не перепутает ни с чем. Кто-то крутил диск телефона. Щёлканье было медленным, вязким, как будто даже телефон здесь работал с лентой от жа-

ры. Изнутри домика тянуло табачным дымом, старой бумагой и чем-то ещё канцелярским, затхлым. Наверное, так пахнут все подобные помещения в армии: журналами, чернилами, пылью и людьми, которые сидят там сутками. Через открытую дверь было видно край стола, серый телефонный аппарат и стоявший на подоконнике алюминиевый чайник с вмятым боком.

- Дежурный по части? КПП. Прибыло пополнение... Да... По списку... Морозов. Понял.

Трубка с грохотом опустилась на аппарат, и неизвестный голос снова заговорил.

- Ожидайте. И дверь закрой Морозов, пыль летит.

Дверь КПП захлопнулась. Несколько секунд ничего не происходило. Двигатель УАЗа урчал, пыль оседала не него и по окружающему пространству, жар давит почти невыносимо. Мы молчали, солдат с автоматом стоял там же. Не спускает с нас глаз, не разговаривает. Просто контролирует. Через минуту дверь снова открывается:

- Пропустить. – Говорившего мы так и не увидели, выходить из помещения на палящее солнце он не стал.

Рахимов облегченно выдохнул, подошёл к шлагбауму, взялся за край и поднял его вручную - скрип металла и дорога свободна. Шлагбаум поднимался тяжело, как будто и он устал стоять на этом солнце вместе со всеми.

Лейтенант тем временем снова плюхнулся на пассажирское сиденье и коротко приказал водителю:

- Заезжай.

УАЗ трогается плавно, без газа в пол. Проезжает мимо солдата, держащего шлагбаум - тот разворачивается корпусом, провожает взглядом до конца проезда. На потном лице Рахимова видна недовольная гримаса.

- Зассал – Выдает водитель, усмехаясь. – Здорово вы товарищ лейтенант их запугали.

- Это мы можем – Равнодушно отвечает лейтенант – Сразу к бане давай. Двое их всего, туда все подтянутся.

- Есть! – Коротко отвечает водитель.

УАЗ покати́л по бетонке. Мимо проплывали какие-то здания, заборы, плац. Всё было пыльное, выцветшее, одноцветное. Несколько раз машина обгоняла группы солдат, бегавших с автоматами, бронежилетами и увешанных снаряжением. Солдаты были такие же, как и окружающая действительность. С ног до головы покрытые пылью, с грязными разводами, на потных, измученных лицах. Никого с лопатами, инструментами и носилками не наблюдалось. Где-то в стороне мелькнул турник, перекладина, вкопанные в землю брёвна. Чуть дальше - натянутые между столбами канаты, какая-то полоса с крышками, рвами и стенками. Всё это промелькнуло быстро, но вполне хватило, чтобы понять: тут людей не только строем учат ходить.

- Это не стройбат – Прошептал мне на ухо Максим.

- Догадливый – Опять рассмеялся лейтенант, не поворачивая головы – Да, это не стройбат, это гораздо хуже.

Минут через пять УАЗ тормознул возле одноэтажного, длинного здания. Стены побелены, но уже выгорели, местами проступили серые пятна сырости. У входа - бетонная площадка, скамейка, в углу самодельная урна. Над дверью табличка, почти выцветшая - «БАНЯ» угадывалось больше по контуру букв.

- Вылезли. Давай бойцы, шевелитесь. - сказал лейтенант.

Мы с Максимом спрыгнули. Сумки даже взять не дали.

- Оставить. Потом получите.

Дверь в баню была открыта. Изнутри тянуло влажным жаром и запахом мыла. Не сказать, что неприятно, но тяжело. У входа стояли двое. Старшина и младший сержант. Старшина явно был не срочником, усатый лицо загорелое, как обожжённое, глаза прищурены, губы тонкие. В руках журнал и огрызок карандаша. Сержант был моложе, но тоже с усами, и длинным, явно специально уложенным чубом.

- Эти? - спросил старшина, даже не подумав отдать лейтенанту честь и не глядя на нас.

- Эти, - кивнул лейтенант. - Два штуки. Ну я потопал, остальное сами.

- Понял.

Лейтенант залез обратно в УАЗик, и он мгновенно стартанул по бетонке, увозя офицера и наши сумки. Старшина перевёл взгляд на нас.

- Фамилии.

Назвались. Он быстро записал.

- Говорю один раз, и повторять не буду. Всё, что на вас - снять полностью. Гражданку - вон туда, на скамейку - он ткнул карандашом в открытую дверь. - Ничего не прячем и не оставляем. Складываем аккуратно.

Сержант уже был внутри.

- Давай, двигаемся.

В бане было пусто. Ни одного человека. Только скамейки, крючки, тазики и капающая вода где-то в глубине. Тишина странная. Слышно только, как из трубы где-то шипит пар. Пол был выложен старой плиткой, когда-то белой, а теперь серой, с тёмными разводами в швах. На стенах местами от воды вздулась краска. Всё помещение было пропитано влагой, но при этом почему-то не давало ощущения чистоты - скорее наоборот, чего-то казённого, общего, где до тебя уже побывали сотни таких же.

- Раздевайся, - сказал сержант - Шустрее.

Мы начали снимать одежду. Складывали, как попало, но он тут же поправил:

- Не кидай. Сложи. Потом пригодится. Вам выдадут оберточную бумагу и веревку, свяжете в узлы, подпишете и сдадите в каптёрку.

Когда остались голые, он кивнул в сторону табурета.

- По одному. Стрижка.

Парикмахер оказался тот же сержант, который просто достал электрическую машинку и врубил её в розетку, над которой, наверное, для тупых были написаны цифры 220. Я

сел. Он включил её, не спрашивая начал стричь.

Машинка прошла по голове сразу, от лба назад. Холодно. Волосы посыпались на плечи, на пол. Без разговоров, без остановок. Несколько движений - и всё.

- Встал. Следующий.

Максим сел на моё место. Я стоял, проводил рукой по голове. Непривычно. Как будто чужая.

- Веник и совок за дверью – Закончив с Максимом, сержант тут же определил ему фронт работ – Собрать волосы, и в ведро. Вынесите потом, когда закончим.

Максим без разговоров потопал к двери, вооружился клинговым инструментом, и быстро подмел место, где нас стригли.

- Дальше, - сказал сержант, едва Максим вернул инструмент на место.

Мы зашли в душ. Вода была горячая, с напором. Мыло - хозяйственное, серое. Мылись молча, никто нас особо не торопил. Сержант стоял у входа, смотрел.

- Не халтурить. Всё промыть.

Когда закончили, он махнул:

- Выход.

Мы вышли обратно, мокрые, босые. Полотенец у нас не было, и выдать их нам никто не удосужился.

- К фельдшеру.

Соседняя комнатка. Стол, табурет, коробки с ампулами. Фельдшер - мужик лет под сорок, в застиранном халате.

- По одному.

Я сел.

- Жалобы?

- Нет.

Он даже не поднял голову толком.

- Руки. Ладонями вперед.

Он глянул, задержал взгляд на запястьях. Руки уже как следует поджили, но всё равно, следы от веревок всё ещё были видны.

- Что это?

- Натёр. – Честно ответил я – Верёвкой. Связывали меня.

- Морозов, дебил... - Вздохнул фельдшер, почему-то обозвав лейтенанта – Ведь приехать же толком не успели... Ладно, рот покажи.

Я открыл рот, фельдшер глянул туда мельком.

- Нормально.

Ничего не объясняя, мужик взял в руки уже готовый шприц и уколол меня в плечо. Спирт на обеззараживания места укола он почти не тратил, ватка, которой он прошелся по моему плечу, им даже не пахла, видимо военный доктор решил, что хозяйственного мыла, которым мы себя натирали в душе, достаточно.

- Следующий.

Максим получил то же самое. Никаких объяснений, никаких слов. Когда мы вышли обратно, там уже лежала форма. На столе - аккуратные стопки. Старшина стоял рядом. Под

столом валялся мешок, из которого выглядывали голенища кирзовых сапог.

- Подошли.

Мы встали перед столом.

- Получаем имущество. Сапоги меряем, остальное берем что есть. Потом сами подгоните, тут вам не ателье. Серёгин, с тебя начнём.

И начал выдавать. Не спеша, но и без пауз.

- Исподнее, две пары трусов. Полотенца для лица, и для ног. Брюки. Куртка. Поясной ремень. Брючный ремень. Портянки. Панама. Тельняшка майка. Тельняшка утепленная, с длинным рукавом. Сапоги. Мыло туалетное, одна пачка. Зубную щетку с футляром, зубную пасту, мыльницу и бритвенные принадлежности купите сами, в чепке, если с собой нету. Так же чтобы у каждого была расчёска, носовой платок и две иголки. С белыми и черными нитками. На утреннем разводе проверю!

Каждую вещь он либо клал на стол, либо совал мне прямо в руки.

- Смотри. Это не игрушки. Вещи казенные. Если потеряете, нового не выдадут. Полотенца будете менять раз в неделю, после бани, подворотнички тоже будите получать раз в неделю. Мыло – раз в месяц. Портянки и форму стираете сами, в роте хозяйственное мыло есть. Сапоги чистить тоже в роте, там вакса и щетки есть в сушилке.

Мы начали одеваться. Сначала бельё. Потом брюки и май-

ку. Потом нам показали, как подшивать подворотничок.

Старшина кинул нам по несколько белых полосок ткани, и два мотка белых ниток с иглками.

- Это подворотнички. Меняются каждый день. Они должны быть чистыми и белыми. Увижу грязный на шее, сильно пожалеете.

Сержант снова оказался рядом.

- Иглу бери и вдевай нитку.

Я взял. Руки после воды скользкие, нитка не слушается. То ли от волнения, то ли хер пойми почему, но попасть в ушко иглы я никак не мог. Промучился пару минут.

- Быстрее, давай, в первый раз что ли?!

Наконец получилось.

- Теперь сюда, - он ткнул в ворот афганки. - Складываем подворотничок в три слоя, и прикладываем к вороту, чтобы он выступал над воротом на два миллиметра, то есть на толщину спички. Подшиваешь по краю. Сначала верхний длинный край, потом нижний. Стежки на подворотничке длинной в палец, сзади, чтобы видно их не было, дырка в дырку. Подшиваем ровно. Чтобы не торчал.

Показал первый стежок.

- Дальше сам.

Я начал шить. Криво, медленно. Нитка путалась, ткань жесткая. Максим рядом возился так же. Время тянулось. Никто нас не торопил, но и не помогал, разве только что советом.

Сержант ходил между нами, иногда останавливался:

- Криво. Переделай.

- Натягивай.

- Не так держишь.

Старшина записывал что-то в журнале. А мы, прокалывая пальцы, пачкая белую ткань кровью, шили. Мы долго возились. С подворотничками, потом с портянками, с сапогами, которые не сразу налезали. Пару раз приходилось их снимать и перематывать.

Когда мы почти закончили, в баню вошел офицер, в звании старшего лейтенанта. Такой же загорелый, как и все в этой части, подтянутый, с офицерской сумкой на боку и кобурой на поясе. На правой стороне его афганки виднелась красная полоска, сверкали ромб военного училища, значок парашютиста и пятиконечная звезда, залитая рубиновым цветом. Он за руку поздоровался со старшиной, и встал возле стола, ожидая, когда мы с Максимом закончим мучаться.

Когда более-менее оделись, сержант посмотрел на нас ещё раз.

- Пойдёт. Пока.

Старшина закрыл журнал. Офицер сделал шаг вперёд.

- Я - замполит пятой учебной роты, Ушаков Руслан Дмитриевич. - Говорил он спокойно, без давления. - С этого момента вы – военнослужащие, хотя присягу ещё не принимали. Впрочем, за этим дело не станет. Весь ваш призыв уже

прошел карантин, и будет принимать присягу через три дня. Учитывая-то, что вы опоздали, нагонять ваших сослуживцев вам придётся усиленными темпами.

Пауза.

- Здесь вы будете учиться. Строевая подготовка, уставы, и специализированные предметы, про которые вы узнаете позже. Строевой и дисциплинарный устав, чтобы хотя бы в общих чертах до присяги знали! Сержанты вам помогут в ускоренной строевой подготовке. Этим придётся заниматься в свободное время, так как освободить вас от других занятий никто не будет.

Он посмотрел на наши воротники, на сапоги, на необмятую форму.

- Будете стараться, - будете служить дальше спокойно, если нет, у нас есть методы воспитания, которые убедят вас, что вы были не правы. Своего мы в любом случае добьемся.

Ни угрозы, ни эмоций. Просто констатация.

- Вопросы есть?

Мы молчали.

- Хорошо.

Он кивнул старшине.

- Дальше по распорядку. Оба зачислены в группу Морозова.

- А карантин?

- Да какой карантин? Этих двоих отдельно что ли? - Отмахнулся старлей - Гурович сказал, что здоровы, так что сра-

зу в роту.

Старшина кивнул, а потом обращаясь уже к нам коротко приказал:

- Построение у входа. Через пять минут.

Мы вышли наружу. Солнце ударило в глаза. В новой форме было непривычно. Всё тянуло, жало, мешало. Я посмотрел на Максима. Он на меня. В глазах абитуриента неудачника читалось торжество и восторг. Он не отрывал взгляда от треугольника трикотажей майки с чередующимися горизонтальными полосами белого и небесно-голубого цвета, выглядывающего из-под моей куртки.

Глава 3

Куда я попал? Всё было до боли знакомо, и напоминало зону. На заборе воинской части было не меньше колючей проволоки, чем на тюрьме для особо опасных преступников. По периметру стояли вышки, на которых несли службу вооруженные люди. Разве что тебя тут конвой с собаками не встречал, и не бил никто, без повода. Пока... Тот же карантин (правда нам сделали исключение), санитарная обработка, переодевание в «робу». И срок – два года. Причем все, кто тут, за этой колючкой оказался, виновны лишь в том, что родился с яйцами и дожил до восемнадцати лет. На зону хоть за что-то попадаешь, за преступление, а тут как раз за то, что соблюдаешь закон. Зона и зона, причем зона красная, такое впечатление у меня сложилось, после нескольких часов пребывания в этой странной учебке.

Честно говоря, морально я был готов к тому, что мне придётся перестраивать себя, чтобы отслужить без проблем. Многое из того, что мне предстояло делать как солдату, на зоне для порядочного арестанта, или даже мужика, было неприемлемым. Да хотя бы те же погоны носить, в наряды и на хозработы ходить, или подчинятся кому-то добровольно. Если применять «понятия», то улетал я сейчас чуть ли не в шерсть и козлы... С другой же стороны, в этой жизни я в зо-

не пока не побывал, и даст бог, туда не попаду, я хочу жить как все нормальные люди – это моя цель. А ради неё, я был готов менять себя или хотя бы попытаться.

Нас с Максимом завели в казарму только на пять минут – вещи оставить, а потом выгнали на плац. Вся рота отсутствовала в расположении, только на тумбочках стояли дневальные, да пару офицеров и сержантов чем-то занимались в ротной канцелярии. Ну и чтобы два новобранца не болтались по расположению без дела, старшина передал нас в руки очередного младшего сержанта, который без особого энтузиазма, но тем не менее энергично, стал обучать нас премудростям строевой ходьбы, поворотам, и другой шагистике.

- Шоб они у меня на ужин хотя бы как люди дошли, в строю! Устрой им ускоренный курс молодого бойца. И дрочи их пока получаться не будет! – Давал наставления старшина сержанту – Понял меня Воронцов?

Младший сержант понял, он оказался из тех, кто сам ещё толком не остыл после учебки, но уже получил власть над такими, как мы. За отличия в учёбе его оставили инструктором после окончания обучения, и этим он видимо очень гордился. Худой, жилистый, с прищуром, будто всё время кого-то подозревает. Форма на нем сидела как влитая, знак «Отличник Советской Армии», знак «Классный специалист», с цифрой два, и парашютный значок сверкали на солнце как ордена. Говорил он коротко, без лишних слов, но голосом таким, что спорить не тянуло.

- Ногу тяни. Не шаркай. Ты не в колхозе навоз месишь, - Командовал он – раз-два, раз-два.

Я попытался подстроиться. Левая - раз, правая - два. Вроде ничего сложного. Но через минуту уже сбился. Потом ещё раз. Потом снова.

- Стой!

Мы оба встали, как вкопанные.

- Это что сейчас было? - он посмотрел на нас так, будто мы лично его оскорбили. - Вы вдвоём идёте, как стадо баранов. Один вперёд, другой назад. Вы вообще слышите себя?

Максим что-то пробормотал, но сержант даже не стал слушать.

- Сначала - по одному. Ты, - ткнул он в меня пальцем, - Вперёд. Марш.

Я пошёл. Сначала медленно, потом, как он показал, чуть быстрее. Подбородок выше, спина ровно, руками не болтать, а работать. Нога - не просто ставится, а выбрасывается вперёд.

- Вот. Уже похоже на человека, - сказал он. - Только не расслабляйся.

Через пять минут у меня уже начинало тянуть икры. Через десять - пот пошёл по спине. Солнце било в макушку, асфальт отдавал жаром, как электроплита. Воздух стоял, ни ветерка. В голове только счёт: раз-два, раз-два.

- Напрааааво!

Я повернулся. И меня занесло, поворот получился чуть-

ли не кругом.

- Отставить. На исходную. Снова.

И так по кругу. Шаг - ошибка - остановка - снова шаг.

Макс тоже не блистал. Его пару раз развернуло вообще не в ту сторону, и сержант только хмыкнул:

- Красавец. Будешь так тупить в строю – тебя свой же призыв после отбоя отпи...т. Запомните салаги, это пока вы за свои косяки сами отвечаете, а если вы в строю, то за вашу тупость ответит весь взвод. Тут у нас один за всех, и все за одного. Один накосили, все ответили!

Мы оба молчали. Не до разговоров. Дышишь, считаешь, стараешься не сбиться. Команды, которым нас учили, постепенно добавлялись.

- На месте! Шагом - марш!

И вроде стоишь, а всё равно идёшь. Колени выше, носок тянуть. Отмашку делаешь, так что руки из суставов выворачиваются.

- Руки! Где руки? Это что за сопли?

Он подошёл, сам показал. Чётко, от плеча, печатая шаг так, что по бетонным плитам плаца пошел гул.

- Запомните: строевая - это не для красоты. Это чтобы вы думали одинаково. Команду дали - вы сделали. Без «я подумал», без «я решил». Поняли? Тут вам не кремлевская рота почетного караула, строем ходить вы будете не часто, но уметь должны.

- Так точно, - выдохнули мы вразнобой.

- Не понял. Ещё раз.

- Так точно!

- Уже лучше.

Я поймал себя на мысли, что это и правда не про ходьбу. Это про то, чтобы выбить из тебя всё своё. Оставить только «есть» и «так точно». На зоне тебя ломают, чтобы ты знал своё место. Здесь - чтобы ты делал, что скажут, и не задавал вопросов.

Через какое-то время ноги стали ватными, но что-то у нас уже начало получаться. И виной тому была усталость и начавший зарождаться страх, что это продлится вечно, никогда не закончиться. Шаг держишь уже не потому, что понимаешь, а потому что иначе нельзя - иначе снова остановят, снова начнут сначала.

- Стой!

Мы замерли.

- Отдых.

Слово прозвучало как музыка, но отдых был условный. Стоять ровно, не шевелиться. Только дышать можно. Я смотрел перед собой, на пустой плац, на выжженный солнцем асфальт, и думал только об одном: если это только начало, то дальше будет совсем весело.

В это время за плацом появилось облако пыли, которое постепенно приближалось. Через некоторое время я уже разглядел, что это за пыльная буря. Едва волоча ноги, в заскоружлых от соли и пота афганках бежали несколько десятков

солдат. Различным имуществом и вооружением они были увешаны как вьючные лошади. Если во время короткой поездки на УАЗике с лейтенантом я уже мельком видел таких «марафонцев», то сейчас разглядел их как следует. На каждом бойце висело груза килограмм пятьдесят, не меньше. Особенно меня поразил паренёк, который помимо броника, каски, своего автомата, рюкзака и различных навешанных на него подсумков, пер на плече крупнокалиберный пулемет. Полутораметровая железяка даже отсюда казалась очень тяжёлой.

Максим, провожая бойцов глазами, тихо, почти не шевеля губами, сказал:

- Слушай... это точно не спецназ какой-нибудь?

Я и сам задумчиво смотрел на исчезающие вдали клубы пыли.

- Я не знаю, но судя по всему, каждый из этих карликовых верблюдов после учебки спокойно сможет заменить целую бригаду грузчиков.

- Ну да... - так же тихо ответил он. - Только чё-то мне не смешно.

- Мне тоже.

- Разговоры! - тут же прилетело от сержанта. - Сейчас ещё один заход. Потом, может быть, пожалею вас и отпущу.

Слово «может быть» он выделил особо.

- Шагом - марш!

И всё пошло по новой. Раз-два, раз-два. Жара, пот, сбив-

шее дыхание и постоянное ощущение, что ты делаешь что-то не так. И где-то внутри уже начинало доходить: это не временно. Это теперь надолго. Два года - это не цифра. Это точно срок. И отбывать его придётся не как на зоне, где можно выкрутиться, договориться, схитрить. Здесь тебя будут гонять до тех пор, пока ты не станешь таким, каким им надо. А какими мы им нужны - я пока даже не представлял.

Строевой нас гоняли до самого вечера. Сначала солнце просто жарило, потом стало чуть полегче, но к этому времени нам уже было всё равно. Ноги налились свинцом, голени ныли, спина горела от пота, а в голове вместо мыслей осталось одно тупое: раз-два, раз-два. Когда Воронцов наконец скомандовал:

- Всё. Хорош. В распоряжение.

Я даже не сразу понял смысл этих слов. Показалось, услышался. Но он уже сам развернулся и пошёл к казарме, не оглядываясь. Мы с Максимом потащились следом.

Внутри казармы в этот раз было многолюдно. Наша рота очевидно вернулась в распоряжение с занятий. Народ приводил себя в порядок: кто умывался по пояс, фыркая у длинного ряда умывальников, кто натягивал чистую тельняшку, кто чистил сапоги. В воздухе стоял тяжёлый запах пота, мокрой хэбэшки, сапожной ваксы, табака и дешёвого мыла. После плаца у меня от этого запаха даже странное чувство возникло - будто не первый раз сюда попал. Всё это я уже где-то проходил. Только вместо барака - казарма, вместо бугра -

старшина, а так очень многое до боли знакомо.

Мы с Максимом вошли неуверенно, как чужие в новую хату. На нас, конечно, сразу начали коситься. Не в упор, без откровенной наглости, но заметили нас все. Сержанты, те вообще только мельком смотрели, как на новый скарб, который привезли и пока поставили в угол. Без интереса, но с прикидкой. Кто-то взглядом смерил, кто-то хмыкнул, кто-то вообще отвернулся. Видно было: пока просто присматриваются. Не лезут. Ещё не время.

Зато подошёл к нам пацан примерно наших лет. Тоже молодой, это было сразу видно, только морда уже обветренная и загорелая.

- Вы новые? - спросил он негромко.

- А то не видно, - буркнул Макс.

Парень на это только усмехнулся.

- Видно. Потому и спрашиваю. Я Славка. Тоже из молодого призыва, просто раньше вас приехал.

Он сказал это без понтов, спокойно. Не как старший, а как человек, который уже успел хапнуть местной жизни и теперь смотрит на нас с лёгким сочувствием.

- Серёга, - сказал я.

- Максим.

Славка кивнул.

- Сейчас главное не тормозите. На ужин строиться будут - не тупите. Тут за это быстро всей роте прилетит. Меня держите.

- Уже объяснили, - сказал я, покосившись на дверь, за которой остался Воронцов.

Славка опять усмехнулся.

- Это ещё ласково. Воронцов у нас, считай, интеллигент.

Я посмотрел на него. По лицу непонятно - шутит или нет.

Похоже, и правда не шутил. По казарме народ вдруг задвигался активнее. Кто-то из сержантов рявкнул из коридора:

- Рота! На ужин становись!

И сразу всё пришло в движение. Парни, который секунду назад ещё возился у тумбочек и умывальников, быстро потянулся к выходу. Без толкотни, без суеты, но так слаженно, будто их за верёвочки дёрнули. Со всеми и мы вышли из казармы, и я с легкой растерянностью наблюдал, как разношерстная толпа быстро стала выстраиваться.

Мы с Максимом, конечно, сразу зависли. Понимали, что надо куда-то встать, но куда именно - хрен его знает. Строй уже собирался, люди вставали по своим местам, а мы топтались сбоку, как два идиота.

- Да не там, бля, - прошипел кто-то сзади.

Меня резко, но без злобы, взяли за локоть и дёрнули в сторону. Одновременно Макса кто-то подтолкнул в спину.

- Сюда вставай. Быстро.

Это был Славка. Он почти насильно втиснул меня в конец одного из отделений, а Максима поставил рядом.

- Здесь стойте. Дистанцию держи. Не жмись. Ты не в автобус залезаешь, - бросил он мне и тут же уже Максиму: - И

ты плечо не выворачивай, ровнее стань.

Мы только успели кое-как выровняться, как вдоль строя прошёл сержант. Скользнул по нам взглядом, задержался на секунду, но ничего не сказал. Видимо, потому что уже стояли где надо.

- Равняйся! Смирно!

Строй подтянулся. Я тоже вытянулся. Автоматом. За день тело уже начало что-то запоминать, хотя мозги ещё за ним не успевали.

Сержанты, стоявшие впереди, вели себя спокойно. Ни подначек, ни шуточек, стояли в общем строю. Никто не остался в казарме, никто не пошел в столовую отдельно.

- Шагом марш!

Колонна двинулась. Первые несколько шагов мы с Максимом опять чуть не сбились. После целого дня строевой ноги уже жили своей жизнью. Я почувствовал, что иду не в ногу с соседом, начал подстраиваться, ещё больше сбился, и тут справа тихо, сквозь зубы, прилетело:

-левой. Подхватывай левой.

Это сказал кто-то из наших, не поворачивая головы. Просто помог, чтобы не заporоли весь хвост строя. Я поймал ритм. Максим, похоже, тоже. Пошли уже более-менее ровно. Не как местные, конечно, но хоть без явного позора.

Пока шли к столовой, я смотрел по сторонам и думал одно и то же: куда, мать его, я попал? На обычную учебку это место было не похоже, хотя мне конечно не с чем было сравни-

вать. Слишком всё здесь было жёстко, собрано и как-то повзрослому. Молодые, вроде Славки, уже держались не как вчерашние школьники, а как люди, которых быстро и без лишних слов поставили в колею. А те марафонцы с пулемётами, которых мы видели на плацу, вообще не укладывались у меня в голове. Для простой части это всё выглядело слишком серьёзно.

Максим, как будто читая мои мысли, не поворачивая головы, тихо сказал:

- Серый, я тебе точно говорю, это не просто учебка.

- Сам вижу, - так же тихо ответил я. - Только понять бы ещё, что это за цирк с конями, и какого хрена нам ничего не объяснили.

- Объяснят ещё, - процедил он. - Уж будь уверен.

Спереди кто-то коротко хмыкнул, будто услышал, но промолчал.

До столовой дошли без приключений. На входе нас остановили, и командовавший нами сержант приказал:

- Справа, по одному, шагом марш!

Так же строем, перестроившись в одну колонну, все пошли внутрь. Тут нас снова чуть не затёрли, но тот же Славка обернулся:

- Не отставайте. Поднос взяли, дальше в очередь на раздачу. Не тормозите, иначе наш стол не найдете.

Говорил он быстро, по делу. Видно было, сам ещё недавно точно так же мыкался, и потому помнил, каково это. Я мель-

ком глянул на него и кивнул. В этот момент он был для нас ценнее любого сержанта. Сержант тебя только вздрючит, а этот хоть по-человечески показал, куда встать и как не обоссаться на ровном месте. Но легче мне от этого не стало. Наоборот. Чем дальше, тем сильнее внутри шевелилось нехорошее чувство. Слишком быстро нас начали вбивать в общий ритм. Слишком мало тут было случайного. И слишком уж местные солдаты походили не на срочников из обычной части, а на людей, которых готовят к чему-то такому, о чём на гражданке лучше вообще не знать.

Я, не отставая от Славика получил свою порцию, сел за стол, взял ложку, посмотрел на алюминиевую миску с чем-то горячим и густым, и опять поймал себя на одной мысли: Куда я, мать его, попал?

- Не вздумай жрать дебил, положи весло! – Неожиданно прилетело от соседа справа.

- Чего? – Не понял я, но на автомате ложку на стол вернул.

Оглядевшись по сторонам, я вдруг понял, что никто не ест. Все сидят, и чего-то ждут, а на меня пристально смотрит тот самый сержант, который командовал нашим походом в столовую. Он устроился за соседним столом, в окружении таких же парней с лычками на погонах.

- Молодой! Ты самый голодный у нас? – Не добро усмехнулся он – Только с гражданки пришел, марш-бросок сегодня не бегал, а за ложку первый схватился. Это залет! После ужина зайдешь в каптерку! Взвод, приступить к приему пи-

щи!

За нашим столом тишина мгновенно взорвалась звоном алюминия. До этого спокойно сидящие пацаны схватили столовые приборы и начали с поразительной скоростью запикивать в себя перовую кашу с мясом, заедая её толстыми ломтями хлеба, на которых мгновенно размазали по шайбе масла, что нам выдали на раздаче. При этом все бросали на меня сочувствующие взгляды. Всё это произошло настолько неожиданно, что я аж покраснел от прилившей к голове крови. Ну вот какого хрена, спрашивается? Чего я не так сделал? А сам тоже хорош, обещал же сам себе не торопиться, присматриваться, и элементарного не заметил. Тот же Макс не совершил такой ошибки, как я...

Когда первая горячая злость на себя чуть отпустила, я заметил, что за столом на меня уже не просто косятся, а смотрят как на человека, который умудрился вляпаться в неприятности на ровном месте, в первый же вечер, ещё даже толком не поняв правил. Но никто ничего не сказал. Все жрали быстро, молча, работая ложками так, будто это не ужин, а норматив на время.

Я тоже взялся за кашу, уже не торопясь. Есть хотелось так, что желудок чуть ли не сводило, но теперь почему-то комок в горло не лез. Максим сидел напротив и жрал молча, только один раз коротко глянул на меня. По его роже было видно: у него есть что сказать, но сейчас обсуждать не будет. Не то место.

Ужин закончился так же быстро, как начался. Ещё секунду назад столовая звенела стуком ложек по мискам, сопением, скрипом лавок, а потом - команда, и все уже встают, даже те, кто не доел, подхватывают миски, кружки, ложки, несут сдавать. Никакой раскачки. Никто не доедает на ходу, никто не берет ничего с собой со столов.

На выходе из столовой Славка специально притормозил, дождался, пока мы с Максимом поравняемся с ним, и тихо сказал:

- Ну всё. Поздравляю с первым залётом. Это косяк, причем серьёзный.

- Спасибо, я уже понял, - буркнул я.

- Не, не понял ещё, - ответил он спокойно. - После ужина поймешь.

Мы шли в строю, поэтому он говорил тихо, не шевеля губами почти, и смотрел строго перед собой.

- Здесь за косяки две схемы. Первая - коллективная. Если сержант решит, может наказать всех. Отделение, взвод, роту - как захочет. За одного отвечает толпа. Чтоб сами друг друга контролировали. Нам ещё повезло сегодня. Могли весь стол без ужина оставить. Просто посадили бы нас, дали посмотреть, как жрут другие, и всё. Или после отбоя вся рота бы побежала на физю. Или вечером вместо отдыха всех на плац, на упор лёжа. Тут фантазия у них богатая.

Максим впереди чуть повернул голову.

- Из-за ложки?

- Из-за любой мелочи, - сказал Славка. - Не в ложке дело. В порядке. Здесь если один затупил, значит остальные не досмотрели. Такая логика.

Я помолчал пару шагов.

- А меня, значит, отдельно?

- А тебя отдельно, - подтвердил он. - Это вторая схема.

Индивидуальная.

Он сказал это буднично, как про погоду. Оттого неприятнее стало ещё сильнее.

- И что значит «в каптёрку»? - спросил я.

Славка чуть хмыкнул.

- Разговор с сержантами значит. В других частях, говорят, там сразу мордобой, сапогами в душу и прочий колхоз. У нас не так. У нас всё вроде бы культурно. Без криков, без беспредела. Но тебе от этого не легче.

- В смысле? - спросил Максим.

- В прямом. Могут устроить курс физкультуры. Отжимания, приседания, выпрыгивания, упор лёжа, «гусиный шаг», пресс. Пока не посинеешь. Причём не для спорта, а чтоб запомнил. А могут предложить выбрать себе воспитательную беседу по-другому.

Я уже примерно понял, к чему он ведёт, но всё равно спросил:

- Как именно?

Славка на секунду помолчал, будто прикидывал, говорить прямо или нет.

- Один на один. С кем-нибудь из них.

- Подраться? - тихо спросил я.

- Ну. Я же говорю, один на один. Просто выходите, и тебе объясняют, что ты неправ. Руками и ногами. Учебный спарринг называется. Дополнительные занятия по рукопашному бою. Офицеры это даже поощряют.

Максим коротко выдохнул сквозь зубы.

- Охрененно.

- Ага, - так же спокойно сказал Славка. - Причём выбора там, считай, нет. Откажешься - будет хуже. согласишься - тоже ничего хорошего, но хоть за труса не запишут.

Я внутренне только усмехнулся. Картина становилась всё яснее. Не зона, нет. Но принципы в чём-то похожие. Давление, только выверенное. Без лишней грязи, без истерики, зато так, чтобы доходило быстро и надолго.

- И много шансов у молодого? - спросил я.

Славка даже не повернул головы.

- Ноль. Сержанты тут все спортсмены. Самбо, бокс, борьба, кто во что. Ещё и эту же учебку прошли. Некоторые инструктора по рукопашному бою. Они для этого и оставлены. У тебя против них шансов нет вообще. Даже если ты где-то на гражданке дрался. Тут другие скорости, другие правила. Точнее правило только одно - не калечить.

- Тогда смысл? - тихо спросил я.

- В том и смысл, - ответил Славка. - У тебя цель - уважение их заслужить, а у них, объяснить молодому, что тут на понтах

далеко не уедешь.

Это он сказал без издёвки. Просто как факт.

Мы дошли до казармы, снова встали, дождались команды, вошли внутрь. Народ быстро рассосался по своим местам. Кто-то чистил ремень, кто-то подшивал воротничок, кто-то просто сидел на табурете и молчал. После ужина казарма уже была не такой суетной. Слышались отдельные разговоры, звон пряжек, скрип кроватных сеток, плеск воды у умывальников.

Славка, проходя мимо моей койки, остановился на секунду.

- Ты, главное, там не быкуй, - сказал он тихо. - И не пытайся шутить. Отвечай коротко, по делу. Они это любят.

- А если драться скажут? - спросил я.

Он пожал плечами.

- Тогда дерись. Всё равно не отвертеться. Только не маши руками как мельница. Закройся и стой, сколько сможешь. Им не победа нужна. Им надо на тебя посмотреть.

Сказал и пошёл дальше.

Я сел на койку и уставился в пол. Максим присел рядом, тоже молча. Некоторое время мы просто сидели, слушая, как вокруг живёт казарма.

Потом он негромко сказал:

- Ну что, Серый. Первый день, а ты уже отличился.

- Ага, - ответил я. - Талант.

- Я серьёзно.

- Я тоже.

Он почесал висок и хмуро добавил:

- Слушай, а тебе не кажется, что тут всё как-то слишком... не по уставу? Драться с сержантом, да ещё и с одобрения офицера? Где это видано вообще?!

Я поднял на него глаза.

- А ты этот устав видел?

- Нет.

- Ну вот и я нет. Может, у них тут как раз всё по нему.

Максим фыркнул.

- Очень смешно.

Я не ответил. Мне было не смешно. Совсем. Потому что внутри уже складывалась картина, и она мне не нравилась. Здесь никто не орал зря. Никто не бил просто для удовольствия. Никто не устраивал дешёвую дедовщину, по крайней мере с виду. Всё выглядело почти разумно. Даже наказания - не как у отморожков, а как будто по системе. А это было хуже. Когда над тобой творит дичь какой-нибудь тупой старослужащий, его хотя бы можно ненавидеть как скотину. А тут попробуй. Тут тебе скажут, что всё для дела, для порядка, для воспитания. И даже не соврут.

- Молодой! - раздалось от двери.

Я поднял голову. На проходе стоял один из сержантов, не тот, что в столовой командовал, а другой, постарше, коренастый, с лицом боксёра.

- Серёгин кто?

Я встал.

- Я.

- В каптёрку. Бегом не надо. Но быстро.

Он сказал это спокойно и ушёл, будто позвал не человека на мордобой, а за веником. По казарме сразу стало как-то тише. Не совсем, но достаточно, чтобы я это почувствовал. Никто не пялился в открытую, но все прекрасно поняли, куда и зачем меня зовут.

Максим только коротко посмотрел на меня.

- Давай, - сказал он. - Потом расскажешь, если сможешь.

Я встал, снял куртку, оставшись в тельняшке, и пошёл к двери. И чем ближе подходил к каптёрке, тем яснее понимал: вот сейчас мне и начнут объяснять, куда я, мать его, попал на самом деле.

Глава 4

Каптёрка оказалась не такой уж большой. Узкая комната, заставленная стеллажами, на которых лежали мешками с чем-то хозяйственным, стопками аккуратно сложенного постельного белья и ящиками, на которых белой краской были выведены номера. В углу - стол, на нём графин с водой, кружка, какие-то ведомости. Под потолком тусклая лампа, хотя на улице ещё не совсем стемнело. Воздух в каптёрке стоял плотный - табак, хлорка, сапожный крем.

И сержанты.

Их там было пятеро. Сидели и стояли так, будто давно уже ждали не просто молодого с залётом, а маленькое вечернее развлечение. Воронцов тоже был здесь. Рядом с ним - тот, что в столовой меня кошмарил. Ещё двое мне были незнакомы. И пятый, которого я заметил сразу, стоял у шкафа, прилонившись плечом к дверце, и на его фоне остальные как-то сразу стали казаться обычными.

Явно кавказец, огромный, мускулистый. Вот это был шкаф так шкаф. Ростом под метр девяносто, а то и больше, плечи - как у культуриста, шея толстая, как у борца. Руки длинные, кисти здоровенные. Нос чуть сбит, уши прижаты неестественно - борец или рукопашник, не иначе. Лицо при этом спокойное, почти ленивое. Но именно от таких обычно

и прилетает больше всего.

Я зашёл, дверь за мной прикрыли.

- Ну что, молодой, - сказал тот самый сержант из столовой, развалившись на табурете. - Самый голодный оказался?

Я пожал плечами.

- Не объяснили.

- Чего тебе не объяснили? - сразу вскинулся другой.

- Что жрать можно только по команде.

- А башкой подумать не судьба было? - спросил Воронцов.

Я посмотрел на него.

- А мне откуда знать, какие тут у вас порядки? Я первый час в роте. Меня с плаца в столовую привели. Кто-то хоть слово сказал? Нет. Зато залёт уже мой.

В каптёрке стало чуть тише. Не потому, что я их поразил, а потому что ответ им не очень понравился.

- Ты, я смотрю, дерзкий, - сказал тот, что сидел у стола.

- Я смотрю, вы тоже, - ответил я.

- Чего? - он аж вперёд подался.

- Того. Молодых строите, как будто они с вашими местными обычаями родились. Если косяк - объясните сначала. А так это не косяк, а подстава.

Слева кто-то хмыкнул. Не весело, а скорее удивлённо. Видимо, не каждый молодой в первый вечер так разговаривал.

- Подстава, значит? - переспросил Воронцов уже тише. - Ты ещё скажи, мы перед тобой виноваты.

- Виноваты в том, что требуете то, чего не объяснили, -

сказал я, чувствуя, что уже завожусь, но назад сдавать не хочу. - Я не отказываюсь подчиняться. Но когда человека тыкают мордой в правило, о котором он вообще не знал, это херня, а не воспитание.

- Слышь, философ, - процедил коренастый с лицом боксёра, - ты где это так разговаривать научился?

- Там, где за слова отвечают, - сказал я.

- А тут, думаешь, не отвечают? - спокойно спросил он.

- Вот сейчас и посмотрим.

Последние слова я, наверное, всё-таки зря сказал. Потому что в комнате сразу будто воздух потяжелел. Никто не вскочил, не заорал, не ударил. Наоборот. Всё стало тише и от этого неприятнее.

Кавказец отлепился от шкафа и медленно шагнул вперёд.

- Слышь, маладой, - сказал он негромко, с мягким акцентом, и от этого прозвучало ещё страшнее. - Ты или очень смелый, или очень глупый. Скорее второе.

Я посмотрел на него снизу-вверх. Да уж, рядом с ним я сам себе показался малышом из ясельной группы детского сада.

- Может, и так, - сказал я. - Но прогибаться за то, в чём не виноват, не собираюсь.

Он кивнул, будто именно это и хотел услышать.

- Хорошо. Тогда будет учебный разговор. Без обид. Одын на одын. Проверим, какой ты непрогибаемый.

- С Горгадзе выйдешь, - добавил кто-то сзади, уже почти

с удовольствием. - Он у нас любит несговорчивых убеждать.

- Только аккуратно, - сказал Воронцов грузину. - Сильно не ломай нового. Он нам ещё пригодится.

Сказано это было вроде с усмешкой, но я прекрасно понимал: шансов у меня нет. Ноль. Славка не врал. На фоне Горгадзе любая драка уже заранее смотрелась как ошибка. Я медленно выдохнул. Ладно. Значит, будет так.

Горгадзе уже начал снимать ремень, когда дверь каптёрки резко открылась. На пороге стоял Морозов.

Тот самый лейтенант. Днём он ещё казался мне просто молодым, неопытным офицером, которого самого сюда загнали не по доброй воле. Сейчас вид у него был другой, и форма тоже, да и звание... Вместо мятого кителя офицера стройбата - ладно подогнанная афганка с погонами старшего лейтенанта. На груди орден Красной звезды, значок об окончании училища, парашютный значок, и офицерский знак классности, с буквой М, сверху, справа, красная нашивка. На правом рукаве красная повязка, с надписью: «Дежурный по роте». Увиденное меня поразило до глубины души. Я видел тут пока всего двух офицеров, и оба с ранениями и с орденами...

Сейчас вид у старлея был усталый и злой, но явно не на нас, а на весь белый свет. Невооруженным взглядом было видно, что он очень недоволен тем, что вместо нормального отдыха после служебной командировки его поставили дежурить. Хотя... А чего он хотел? От него даже когда мы в часть въезжал, несло перегаром так, что я сам в душном УА-

Зике едва не поплыл от спиртовых паров. У любого начальника, увидевшего подчиненного в таком виде, пукан разрывать начнёт.

Он обвёл каптёрку взглядом, увидел меня, сержантов, Горгадзе с ремнём в руках, и даже не удивился.

- А-а, - сказал он. - Воспитательная работа.

- Так точно, товарищ старший лейтенант, - сразу отозвался Воронцов. - Молодой залетел в столовой. Разбираемся.

Морозов вошёл, прикрыл за собой дверь и прислонился к косяку.

- Ну разбирайтесь, - сказал он равнодушно. - Только без фанатизма. И Горгадзе...

Грузин обернулся.

- Да, таварыщ лейтенант?

- Ты поосторожнее. Мне на сборном пункте про этого кад-ра интересное рассказывали.

В каптёрке кто-то хмыкнул.

- Про кого? - не понял Воронцов.

Морозов кивнул в мою сторону.

- Про Серёгина. Чемпион области по боксу. В личном деле - удостоверение КМС. В военное училище документы подавал. На экзамены не явился, потому что уехал на соревнования и там первое место взял. Так мне в военкомате и объяснили, когда я спросил, что за фрукт такой весь в синяках на лавке дрыхнет.

Тишина после этих слов была такая, что стало слышно,

как где-то за стеной, в умывальнике капает из неплотно закрытого крана. Удивились все, а я так вообще в осадок выпла. Я стоял с тем же лицом, что и секунду назад. Даже бровью, кажется, не повёл. Только внутри у меня в этот момент всё перевернулось.

Чемпион области. КМС. Военное училище. Первое место. Да что за херня твориться? Это про меня?

Я чуть не выругался вслух. Вот же Лёха, сученок... Вот же паскуда изобретательная. Они получается с этой своей Катей не просто подправили мне бумажки. Они, похоже, нарисовали такое личное дело, что меня с ним можно хоть в космонавты, хоть в члены ЦК КПСС. Ещё немного - и выяснится, что я олимпиаду выигрывал и лично Горбачёву руку жал.

Сержанты переглянулись. Уже совсем по-другому.

- Серьёзно, что ли? - спросил тот, что сидел за столом.

- Нет бля, пошутил я, - лениво сказал Морозов. - Мне-то зачем врать? Военком ещё удивлялся, что такой спортсмен в военное училище зачем-то поперся, раз для него чемпионат области важнее вступительных экзаменов.

Воронцов уставился на меня уже без прежней снисходительности. Не с уважением пока, нет. Скорее с интересом.

- Чё, боксёр? - спросил он.

Я пожал плечами, но откровенно врать не стал.

- Дратся приходилось.

Это я сказал максимально нейтрально. Ни подтвердить толком, ни соврать в лоб. Но после слов Морозова отрицать

уже было глупо.

Горгадзе медленно улыбнулся. Не по-доброму.

- Тогда ещё лучше, - сказал он. - А то совсем скучно было бы.

- Скучно ему... смотри сам не отхвати сержант, - бросил Морозов, - И давай без членовредительства. И в голову сильно не бей. Если документы не врут, он нам на занятиях ещё пригодится.

Слово «нам» он выделил чуть заметно. И от этого мне стало ещё интереснее. Что значит - пригодится? Куда я вообще влез благодаря шаловливым ручкам Лёхиной любовницы?

- Так точно, товарищ лейтенант, - сказал Горгадзе, не сводя с меня глаз.

Морозов посмотрел на меня.

- А ты, Серёгин, если правда боксировал, тут губы не надувай. Здесь не ринг, здесь всё по-другому, это тебе не боксерский поединок. Понял?

- Так точно, - ответил я. - И в мыслях не было понтоваться, я никому ничего не говорил даже, вы сами рассказали.

- Вот и отлично. Продолжайте.

Он уже хотел выйти, но задержался у двери и, видимо передумав, встав облокотившись на стену, а потом добавил:

- И да, Серёгин. В следующий раз сначала смотри, что делают остальные. Потом делай сам. Это полезная привычка не только в столовой. Продолжайте, а я посмотрю.

В каптёрке опять стало тихо. Сержанты смотрели уже ина-

че. Не как на очередного салагу, которого сейчас для профилактики повалют по полу. Теперь у них появился интерес. Настоящий. Им уже хотелось не просто наказать молодого. Им хотелось проверить, что там за зверёк приехал с таким личным делом.

А я стоял и думал только об одном: если Лёха с подругой действительно оформили мне бумаги так, как сейчас выясняется, то дальше меня тут явно ждёт ещё немало сюрпризов.

Горгадзе шагнул вперёд, не отрываясь смотря на меня.

— Ну что, чемпион, посмотрим, чему тебя там учили.

Я смотрел на Горгадзе и понимал предельно ясно: если сейчас полезу драться с ним по-честному, по-спортивному, то меня просто размажут. Без вариантов. Он был тяжелее, выше, крепче, наверняка умел драться не только руками, но и всем остальным. А я никаким боксёром не был. Ни КМС, ни чемпионом области, ни даже разрядником. Спортом я вообще никогда толком не занимался. Но драться приходилось часто. Не на ринге, не по свистку, и не в перчатках. А там, где если уж завертелось - то или бей первым, или потом сам будешь лежать. И сейчас у меня в голове было только одно: честно не получится. Значит, честно и не надо.

Горгадзе вышел на свободное место между шкапами и столом. Снял ремень, афганку стянул через голову, остался в тельняшке. Плечи у него под ней ходили, как у быка. Он покрутил шеей, пару раз сжал кулаки и глянул на меня спо-

койно, почти лениво. Для него предстоящая драка и правда была как разминка.

Я тоже шагнул вперёд. Сердце билось часто, но голова вдруг стала ясная, как стекло. Ни страха, ни лишних мыслей. Только холодный расчёт. Если дам ему начать - всё, конец. Значит, начинать надо самому.

- Поехали, - сказал кто-то.

И в ту же секунду, не дожидаясь ни стойки, ни обмена взглядами, ни вообще чего-либо, я рванул вперёд.

Горгадзе, похоже, ждал, что я буду кружить, примеряться, может, попробую боксёрскую стойку изобразить. А я и не собирался. Я с ходу сократил дистанцию и со всей силы, снизу, носком сапога врезал ему между ног.

Удар вышел глухой, тяжёлый. Горгадзе даже не вскрикнул - просто мгновенно сложился пополам, воздух у него будто разом выбило из груди. И в тот же момент, пока он ещё не успел ни закрыться, ни отшатнуться, я вложился всем телом и снизу вlepил ему коленом в лицо.

Хрустнуло. Не громко, но так, что в тесной каптёрке все услышали. Грузин мотнулся назад, как будто его сбил самосвал, задел плечом шкаф, сполз по нему и тяжело грохнулся на пол.

Всё. На этом драка закончилась, толком не начавшись.

На секунду в каптёрке наступила такая тишина, что слышно было только моё хриплое дыхание. Я сам стоял, чуть пригнувшись, готовый, что сейчас на меня кинутся все остальные.

ные. Но никто не двигался. Воронцов смотрел на меня так, будто я у него на глазах плюнул на знамя полка и тут же нагадил посреди плаца. Тот сержант из столовой вообще застыл с открытым ртом. Кто-то из сидевших на ящиках медленно поднялся.

- Ты... - только и выдохнул один.

Горгадзе не шевелился. Из носа у него уже пошла кровь. Глаза закрыты, руки раскинуты. Он был не мёртвый, конечно, но в полном отрубле. И тут за спиной раздался голос Морозова:

- Во-о-от это я понимаю. Ха! Красава Серёгин. Правда похоже без членовредительства не обошлось, как раз члену и досталось больше всего.

Я резко обернулся. Старший лейтенант стоял в дверях, смотрел на всё это и, похоже, был не то что не в ужасе - он был откровенно доволен.

- Учитесь, орлы, - сказал он, проходя вперед и вставая между мной и сержантами. - Молодой-то у нас с головой. Сразу понял, что не в спортивную секцию попал.

- Товарищ старший лейтенант... - начал Воронцов, всё ещё не сводя глаз с лежащего Горгадзе.

- Что «товарищ старший лейтенант»? - перебил его Морозов. - Бой был? Был. Один на один? Один на один. Молодой победил? Победил. Какие вопросы?

- Он не по правилам...

- А кто вам сказал, что у нас тут Олимпиада? - усмехнулся

Морозов. Потом ткнул пальцем в лежащего грузина. - Этого в санчасть. Быстро. И чтобы врачам не врал, скажете - на занятиях по рукопашке неудачно столкнулся с тумбочкой. Нет, лучше с двумя тумбочками сразу.

Сержанты всё ещё стояли пришибленные, но команда есть команда. Двое тут же склонились над Горгадзе.

- Живой? - спросил Морозов.

- Живой, - ответил один, тронув шею. - В отключке.

- Ну и прекрасно. Значит, очухается, и мозгов может прибавиться, - кивнул Морозов. Потом посмотрел на меня и вдруг расплылся в почти весёлой ухмылке. - А ты, Серёгин, молодец. Быстро соображаешь. Понял, что не выгребешь, и придумал решение. Одобряю.

Я молчал. Только дышал тяжело и чувствовал, как внутри ещё дрожит напряжение, которое пока не отпустило.

- Вольно, - бросил он мне. - Иди в расположение. Сегодня с тебя хватит.

Я не сразу поверил, что это всё. Но Морозов уже переключился на сержантов:

- Чего стоите? Подхватили его и пошли. И кровь тут потом вытрите, а то старшина увидит - решит, что вы в каптёрке свиней режете. Или ещё хуже - что вы все бабами стали, и у вас месячные. Всех на кукан натянет, даже я помочь не смогу.

Я подобрался, поправил вылезшую из штанов тельняшку и пошёл к двери. За мной проносили Горгадзе. Огромное те-

ло теперь выглядело как-то странно беспомощно. Один сержант взял его под плечи, другой под ноги. Голова у грузина безвольно мотнулась. На тельняшке и подбородке темнели пятна крови.

Когда я вышел из каптёрки в коридор, у меня было ощущение, что всё это мне сейчас снится. Но самое интересное началось дальше.

В расположении уже явно ждали. Не то чтобы все высыпали в проход, но вся рота внутренне была настороже. Кто подшивал воротничок, кто писал письмо, кто просто сидел на койке - и при этом одним ухом, одним глазом все были там, у двери.

Я вышел из каптёрки сам. Целый. На своих ногах. Даже почти спокойно. И в ту же секунду в казарме будто кто-то выключил звук. Разговоры оборвались. Кто-то замер с иголкой в руках. Кто-то так и остался стоять с ремнём, не застегнув пряжку. Максим, сидевший на койке, сначала увидел меня, уже собрался что-то сказать - и тут за моей спиной показали сержанты, которые выносили Горгадзе. Вот тогда тишина стала уже совсем мёртвая.

Здоровенного грузина, которого здесь, похоже, боялись и уважали все, тащили на руках, как мешок с новозом. Голова болталась, лицо в крови, глаза закрыты. Воронцов шёл рядом мрачный, как на похоронах. Морозов замыкал процессию и выглядел так, будто увидел что-то крайне для себя забавное.

Никто не сказал ни слова. Вообще никто. Только где-то в

дальнем конце казармы у кого-то из рук на пол упала фляжка и звякнула так громко, что все вздрогнули.

Я прошёл к своей койке, чувствуя на себе взгляды всей роты. Не просто любопытные. Ошарашенные. Неверящие. Как будто в часть только что привезли не обычного салагу, а какого-то психа, который в первый же вечер опрокинул местный порядок с ног на голову.

Максим медленно поднялся мне навстречу.

- Ты... - начал он и осёкся.

Я сел на койку и только теперь почувствовал, как руки слегка дрожат.

- Живой, - сказал я.

Он перевёл взгляд мне за спину, туда, где сержанты уже исчезали в коридоре с Горгадзе.

- А это тогда что было?

Я посмотрел на него.

- Короткий разговор.

С другого конца казармы кто-то тихо выдохнул:

- Ни хера себе пополнение нам подкинули...

И это было первое, что кто-либо помимо Максима сказал вслух после моего возвращения. Потом казарма будто медленно начала отмирать. Где-то зашевелились, кто-то закашлялся, кто-то сел обратно на табурет. Но прежней атмосферы уже не было. Все смотрели на меня по-другому. Даже сержанты, не участвовавшие в воспитательной беседе. А я сидел, чувствовал, как по спине медленно катятся капли пота,

и думал только об одном: вот теперь мне точно начнут объяснять, что я был не прав. Только уже совсем другим тоном. Горгадзе рано или поздно выйдет из санчасти, и наверняка не простит мне своего поражения, и подлых приемов, которые я применил в драке, да и остальные сержанты тоже.

Глава 5

Да, последствия будут, в этом я не сомневался, но прямо сейчас - было тихо. Слишком тихо.

Я сидел, уставившись в пол, и пытался привести дыхание в порядок. Сердце ещё колотилось, как после забега, а в голове, наоборот, наступила какая-то странная пустота. Ни радости, ни страха - просто понимание: что сделано – то сделано, назад дороги уже нет.

- Слышь... - тихо подошел Слава, присаживаясь рядом. – Чего там было-то? Это ты Горгадце уделал?

Я медленно кивнул.

- Я. Сам не понял, как так вышло.

- Охринеть...

Я повернул к нему голову.

- Сам в шоке.

Слава посмотрел на меня и замолчал. Сказать ему было нечего. В этот момент в казарме появился дежурный сержант - не из тех, что были в каптёрке. Он прошёлся взглядом по роте, остановился на мне, задержался на секунду... и ничего не сказал. Просто отвернулся. Вот это было куда показательнее любых слов.

Минут через десять дали команду:

- Рота, построение на вечернюю прогулку!

Казарма ожила, но уже как-то иначе. Быстро, без привычного балагана. Никто не орал, не шутил. Я ловил на себе косые взгляды, но стоило мне только посмотреть в ответ, как все тут же отворачивались. Я встал, надел куртку и ремень, поправил форму. Руки уже не дрожали. Внутри всё как будто стало плотнее, собраннее.

Перед казармой рота выстроилась быстро, только не в полном составе. В строю почему-то не оказалось сержантов, рядом с нами находился только один, тот самый - дежурный.

- Равняйся! Смирно! - прозвучала команда.

Морозов стоял перед строем. Всё тот же усталый вид, те же глаза, но теперь я уже видел - он всё замечает. Абсолютно всё. Он прошёлся вдоль шеренги, остановился напротив меня, посмотрел секунду... и пошёл дальше. Ни слова. Потом он остановился у входа, и махнул рукой.

- Напрааааво! Вперёд, шагом марш! Песню, запевай! – Подал команду дежурный сержант.

Вечерняя прогулка оказалась не прогулкой, а ещё одной тренировкой по строевой. Мы шагали, орали хором «У солдата выходной», и отработывали повороты колонной по команде. Когда проходили мимо Морозова, звучала команда: «Рота, равнение на-право!», потом на лево, потом шаг на месте, остановка, кругом, и куча других команд.

- Шире шаг! Не спать! - орал сержант.

Так мы «гуляли» минут сорок, прежде чем колонну не подвели обратно ко входу в казарму.

- Рота! Стой!

После этой команды, из дверей казармы показались сержанты, и отдельной группой построились в голове колонны. Дежурный сержант вынул из кармана блокнот, и приступил к перекличке.

- Антонов!

- Я!

- Бабичев!

- Наряд!

- Горгадзе!

- Санчасть!

- Голубев!

-Я!

Сержант выкрикивал фамилии, а бойцы роты отвечали. Если кого-то не было в строю, командир отделения отвечал за него, коротко объясняя отсутствие солдата в строю. Когда перекличка закончилась, сержант повернулся кругом, изобразил два строевых шага, и остановившись перед Морозовым, приложил руку к панаме доложил.

- Товарищ старший лейтенант! В пятой учебной роте вечерняя поверка произведена. Все люди налицо, за исключением пятнадцати человек, находящихся в наряде, и двух больных. Помощник дежурного по роте старший сержант Алтаев!

Морозов немного постоял, раскачиваясь с пятки на носок, а потом приказал:

- Вольно. На вечерний туалет пятнадцать минут, потом отбой. Разойдись,

Когда я дошел до своей тумбочки, а потом с полотенцем в руках, мылом и зубной щёткой добрался до умывальников, там было уже не протолкнуться, к каждой раковине стояла очередь. Но стоило мне только подойти, как внезапно один из умывальников оказался свободным. Стоявшие возле него солдаты видимо вдруг решили, что в других раковинах напор воды лучше, очередь к ним меньше, а они не очень-то и торопятся, и пятнадцать минут до отбоя, это уйма времени. Передо мной расступались, как перед прокажённым. Тяжело вздохнув, я принялся умываться, за моей спиной тут же пристроились Макс и Слава, а уже за ними выросла новая очередь,

Ровно через пятнадцать минут прозвучала команда готовиться к отбою. Рота опять выстроилась, только уже в пролете между рядами коек.

- Отбой!

Казарма взорвалась хаосом. Оказалось, что лечь спать в армии, тоже дело не простое. От момента команды до полной тишины в расположении тебе выделяется всего сорок пять секунд, за которые ты должен был немедленно раздеться, аккуратно сложить обмундирование и лечь в постель.

Естественно, мы не успели.

- Подъём!

Рота взлетает из кроватей и начинает одеваться. Точнее не

так, сержанты команду не выполняют, некоторые до сих пор не спеша раздеваются, некоторые с полотенцем на плече и в тапочках топают мимо строя к умывальникам, с интересом поглядывают на этот цирк. Летают только молодые.

Снова:

- Отбой!

И опять:

- Подъём!

Раз за разом. Кто-то путался, кто-то падал на койку криво, кто-то не укладывался по времени, кто-то громко испортил воздух после наступления тишины...

- Не уложились! - холодно констатировал сержант. - Ещё раз.

И снова. К седьмому заходу уже никто не думал. Делали на автомате. Лечь, вскочить, построиться, лечь снова. Я старался делал всё точно, быстро. Не потому что умел - просто не хотелось сейчас привлекать к себе лишнее внимание. Хватит на сегодня.

Наконец:

- Достаточно. Всем спокойной ночи.

- Спокойной ночи, товарищ сержант! - Хор голосов прогремел по казарме.

Свет погас. Казарма погрузилась в темноту. Сначала кто-то тихо шептался, потом и это стихло. Только дыхание, редкие скрипы коек и где-то в углу кто-то тихо кашлянул.

Я лежал, глядя в потолок, которого не было видно. Тело

ныло, но не критично. А вот голова работала. Слишком активно.

«Чемпион области... КМС...». Я тихо усмехнулся.

- Ну спасибо, Лёха...

И почти сразу провалился в сон.

- Рота, подъём! Тревога! – Казалось я только глаза закрыл, прошли секунды...

Голос ударил, как выстрел. Я открыл глаза и сразу сел. Ни секунды раскачки. В казарме снова хаос. Кто-то вскакивает, кто-то не понимает, где он, кто-то ищет сапоги.

- Быстрее! Быстрее, мать вашу! - орёт сержант.

Я уже натягивал сапоги. Руки сами всё делали. Через минуту перед казармой снова стоит строй. Неровный, дышащий, но уже строй.

На улице - темно. Прохладнее, чем днём. Воздух влажный, свежий. Морозов стоит перед ротой. Уже без тени усталости. Собранный, жёсткий.

- Команда выполнена на неудовлетворительно! Но ничего, будем тренироваться чаще, научитесь – коротко сказал он. – Тревога учебная. Слушайте вводную. После налета вражеской авиации казарма горит, роте необходимо произвести эвакуацию имущества, а именно кроватей и спальных принадлежностей, и доставить их в пункт временного сбора, в пяти километрах отсюда. Выполнять!

Через двадцать минут мы уже бежим в ночь, разбившись по двое. Как носилки мы несем две разобранные панцирные

кровати, на которых лежат так же их спинки и два скатанных матраса, внутри которых одеяла, простыни и подушки. У меня в напарниках Максим.

И уже через первые сто метров стало понятно: тот, кто придумал таскать кровати на руках по ночному маршруту, людей явно не любил.

Железные рамы впивались в ладони, пружинные сетки гуляли ходуном, связка всё время норовила перекошиться, а матрасы сверху жили своей жизнью - сползали, разворачивались, цеплялись углами за всё подряд. Нести это ровно было почти невозможно. Особенно бегом. Особенно в темноте. Особенно после вечернего цирка с «подъём-отбой».

- Держи выше! - прохрипел Максим спереди.

- Не могу, - выдохнул я.

Сзади и по бокам творилось то же самое. Вся рота быстро растянулась по дороге длинной ломаной кишкой. Где-то впереди уже кто-то матерился, где-то сзади что-то с грохотом рухнуло на землю.

- Не останавливаться! - донёсся голос сержанта. - Упало - поднял и побежал!

Через пару минут поступила первая команда:

- Раненый!

Я сначала не понял, к кому это. Потом увидел: один из сержантов, бежавших налегке вдоль колонны, вдруг эффектно схватился за бок, согнулся и почти театрально застонал.

- Вынести раненого с поля боя! Быстро!

И тут же двоих молодых с ближайшей кроватью свернули в сторону. Матрасы расстелили, а самого «раненого» сержанта уложили прямо на них, как барина на выезд.

- Бегом, суки! Я что, сам себя понесу?!

Молодые подхватили кровать и побежали дальше уже с живым грузом. Кровать тут же перекосило, сетка жалобно скрипнула, один из подушек свалилась, вторая потащилась волоком по пыли.

- Поднять! Имущество не бросать! - заорал кто-то в темноте.

Я только зубы сжал. А через минуту таких «раненых» стало уже трое. Потом пятеро.

Сержанты, похоже, вошли во вкус. Один «получил осколочное в ногу», другой - «контузию», третий вообще «потерял сознание» и, прежде чем лечь на кровать, ещё успел рывкнуть на молодых, что они медленно шевелятся. В итоге почти все сержанты уже ехали на койках, а новобранцы, согнувшись, тащили и железо, и матрасы, и этих кабанов сверху.

- Вот суки... - выдохнул Максим сквозь зубы.

- Не разговаривать! - тут же донеслось справа. - Разговорчики в строю!

Я повернул голову - вдоль колонны трусцой бежал Воронцов. Лицо в темноте не разглядеть, но голос его я уже запомнил.

- Серёгин! Макеев! Чего темп уронили? Вам отдельное

приглашение надо?

- Так точно, не надо, - буркнул я себе под нос и перехватил кровать поудобнее.

Руки уже начинали неметь. Не от тяжести даже, а от того, как неудобно всё это было устроено. Кровать то норовила вывернуться, то била углом по колену, то тянула вниз одним боком. Максим споткнулся, мы едва не уронили всё хозяйство, матрас съехал и почти развернулся.

- Твою мать... держи!

- Держу! Сам не падай!

Справа кто-то всё-таки грохнулся окончательно. Раздался звон железа, чей-то крик, потом сиплое:

- Ногу подвернул!

- Не симулировать! - последовал ответ. - Поднялся и побежал!

Но парень, похоже, и правда не мог встать. Кровати лежали на боку, матрасы развернулись, один молодой стоял над всем этим, хватая ртом воздух, второй сидел прямо на земле и тряс кистями, будто пытался вернуть им жизнь.

Сержант, который только что ехал у них сверху в роли тяжелораненого, соскочил, отвесил одному подзатыльник и заорал так, что даже мы сбоку вздрогнули:

- Поднять имущество! Быстро! Вы что, в санаторий приехали?!

Никто уже не отвечал. На это сил не оставалось.

Маршрут мы пробивали с большим трудом. Именно про-

бивали - другого слова тут не было. Дорога шла то в небольшую горку, то вниз, то вообще превращалась в какую-то бугристую колею, на которой кровать подбрасывало так, будто мы тащим телегу без колёс. В темноте толком не видно, куда наступаешь. Лишь пятна спин впереди, глухой топот, сопение, скрип панцирных сеток и постоянные команды.

- Дистанцию держать!

- Не растягиваться!

- Раненого не трясоти!

- Матрас подобрать!

- Быстрее!

«Раненые», между прочим, не молчали.

- Эй, аккуратнее, дебилы!

- Ты мне все почки отбил!

- Вы что, нарочно шатаетесь?

Один даже улёгся поудобнее, подложив руки под голову, и сверху лениво комментировал, как именно должны его нести. У меня от этого внутри закипало всё сильнее. Но злость тоже штука полезная. На ней первые километры и держишься. Потом она заканчивается, и остаётся только голая механика.

Шаг. Ещё шаг. Перехватил. Выдохнул. Поднял выше. Снова шаг. Километра через два народ начал сыпаться всерьёз.

Один молодой просто сел посреди дороги, не выпуская спинку кровати из рук. Видимо, организм отключился рань-

ше головы. Второй прошёл ещё пару шагов и рухнул лицом вниз, едва успев выставить локти. Третьего вывернуло прямо на обочину - согнулся, блеванул и тут же снова подхватил своё железо, потому что над ним уже орал сержант.

Максим дышал всё тяжелее.

- Серый... - выдавил он. - Я сейчас сдохну.

- Только после меня, - ответил я, сам еле ворочая языком.

Он даже хрипло усмехнулся.

- Подбодрил, сука...

Но Макс держался. Хотя я видел, что он уже плывёт. Да и сам я, честно говоря, был не сильно лучше. Плечи горели, кисти ныли, поясницу ломило, легкие горели огнём. Хотелось бросить эту железяку к чёрту, лечь рядом и пускай хоть танком переезжают.

И тут снова команда:

- Стой!

Колонна дёрнулась и стала. Не вся сразу, конечно. Те, кто сзади, ещё несколько секунд врезались друг в друга и тормозили на ходу.

- Смена! - заорал Морозов откуда-то из головы колонны.

- Поменялись!

Сержанты, изображавшие раневых, встали, довольные жизнью, чтобы снова устроится на койках, только уже на других.

Снова:

- Бегом марш!

И снова ночь, дорога, хрип, мат. Теперь стало ещё хуже. Теперь уже мы с Максом несли «раненного». Внезапно впереди нас кто-то снова рухнул, но в этот раз настолько не удачно, что лежавший на кровати сержант кубарем покатился по дороге. Тут я впервые за весь марш услышал настоящее, не показное бешенство Морозова.

- Кто уронил?!

Тишина. Только сопение.

- Я спрашиваю: кто уронил раненого?!

- Они... - начал с земли сержант, но Морозов рывкнул так, что тот сразу заткнулся:

- Молчать! Ты какого хрена валяешься?! Должен был успеть соскочить! Ты не раненый, ты мешок с говном, который сам с кровати свалился! Встать и бегом в строй!

На секунду мне даже стало легче. Не физически, конечно. Просто приятно было узнать, что и сержанты для него не священные коровы. Но это «легче» длилось недолго. Потому что маршрут всё не кончался.

Последний километр мы шли уже не бегом и не шагом - чем-то средним между тем и другим. Ноги у всех стали деревянные. Люди двигались на упрямы, не иначе. Некоторые уже даже не матерились. Сил на это не было. Только сопели, хрипели и иногда коротко рычали, когда кровать в очередной раз выворачивала суставы.

Наконец впереди показалась тёмная площадка, освещённая фарами стоявшей на ней шишиги.

- Пункт сбора! - донеслось спереди. - Ускориться!

Я только зубами скрипнул. Ускориться? Да мы и так уже едва ползем. Но колонна всё-таки дёрнулась. Из чистого упрямства. Из ненависти. Из желания, чтобы это наконец закончилось.

Добрались.

- Стой!

Я аккуратно, насколько смог, опустил свой край кровати. Потом просто разжал пальцы и на секунду не почувствовал вообще ничего. Кисти словно чужие стали.

Максим согнулся пополам, уперев ладони в колени, и дышал так, будто сейчас выплюнет лёгкие. Вокруг было то же самое. Молодые валились рядом с койками, кто-то садился прямо на матрас, кто-то ложился на землю, не обращая внимания ни на пыль, ни на команды. А сержанты, которых только что «эвакуировали», уже бодро спрыгивали со своих лож и ходили между нами живые и здоровые.

Морозов медленно прошёлся вдоль роты. Никто не шевелился. Он остановился, оглядел нас всех - мокрых, пыльных, согнутых, выжатых до дна - и сказал спокойно, почти без эмоций:

- Запомните это состояние. Так вы будете чувствовать себя каждый день, я вам обещаю.

Никто не ответил. Да и чем тут отвечать.

- А теперь, - продолжил он, - Имущество погрузить в машину. Построение через две минуты. Обратный марш - на-

легке.

По строю пронёсся такой общий стон, что его, наверное, в Ташкенте было слышно. Я поднял голову и посмотрел на Максима. Тот тоже посмотрел на меня мутными глазами.

- Скажи им, что я умер, - прохрипел он. – обратной дороги я не выдержу.

Я сплюнул вязкую слюну в пыль, выпрямился и сказал:

- Не братан, у них походу и мёртвые тут бегают, не поможет.

Максим криво усмехнулся.

- Тогда пошли...

- Пошли.

Команда была понятная: рамы, сетки, спинки, матрасы - всё в кузов шишиги. И вот тут выяснилось, что даже бросить кровать в машину - тоже отдельное искусство. Руки у всех уже не слушались, пальцы не разгибались, спины ломило так, будто в позвоночник насыпали стекла. Молодые волокля железо к открытым бортам, поднимали, пихали, цепляли друг за друга пружинами, матрасы роняли в пыль, потом снова поднимали. Шишига стояла с работающим двигателем, и желтые фары освещали всю эту картину так, будто мы не рота солдат, а артель каторжников где-нибудь на лесоповале.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.